

Г. Есипов

**Раскольничьи дела XVIII
столетия**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Есипов**
Раскольничьи дела XVIII столетия: Том 2 / Г. Есипов – М.: Книга по Требова-
нию, 2013. – 558 с.

ISBN 978-5-458-32714-5

Извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел
канцелярии Г. Есиповым. Издание Д. Е. Кожанчикова.

ISBN 978-5-458-32714-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СТАРИЦЫ: ДОСИФЕЯ и ВАРСОНОФИЯ.

СТАРИЦЫ: ДОСНФЕЯ И ВАРСОНОФІЯ.

I.

ДОНОСЪ.

12 февраля 1723 года въ Tobольскомъ надворномъ судѣ передъ судейской комнатою, въ канцеляріи, у дверей, стояли три колодника, закованные по рукамъ и ногамъ въ желѣза, возлѣ нихъ солдаты съ обнаженными палашами.

Подъячій сидѣлъ за особеннымъ столомъ.

— Ѳомку Михрашова! закричалъ подъячій, смотря въ бумагу, передъ нимъ лежавшую.

Одинъ изъ колодниковъ, звеня цѣпями, подошелъ къ столу.

— Не имѣешь ничего показать вновь къ прежнему допросу? спросилъ подъячій.

— Ничего, отвѣчалъ колодникъ.

— Ты умѣешь грамоты?

— Не знаю, отвѣчалъ колодникъ.

— Сидорычъ, приложи за него руку къ нынѣшнему отвѣту, сказалъ подъячій, обращаясь къ плѣшивому старику, который сидѣлъ за другимъ столомъ.

Сидорыч подошелъ къ подъячему столу и началъ подписывать.

— Да что же въ нынѣшнемъ допросѣ? спросилъ колодникъ.

— Ничего, отвѣчалъ подъячій, — тоже, что и въ прежнемъ. Пошелъ прочь.

Колодникъ поклонился и отошелъ къ своимъ товарищамъ.

— Федотъ Поликарповъ!

Явился другой колодникъ — и съ нимъ тоже самое, что и съ Фомкой Михрашовымъ.

— Дорофей Веселковъ! закричалъ подъячій.

Третій колодникъ выдвинулся впередъ; солдаты съ налшами, вмѣстѣ съ нимъ, подошли къ столу. Онъ былъ закованъ по рукамъ и ногамъ, длинная цѣпь съ замкомъ стучала о колѣна.

— Тебя привезли сегодня ночью?

Колодникъ молчалъ.

— Откуда ты? какъ твое прозванье?

— Сибирской губерніи, изъ Тюмени, казачій сынъ.

— Ты сказалъ слово и дѣло?

— Сказалъ! отвѣчалъ колодникъ.

Подъячіе всѣ подняли головы и съ любопытствомъ прислушивались.

— Видно спина зачесалась, сказалъ подъячій: — почешутъ въ Преображенскомъ.

Колодникъ молчалъ.

Въ это время въ судейскую прошелъ воевода. Подъячій вслѣдъ за нимъ ввелъ Дорофея Веселкова.

— Вотъ колодникъ, объ которомъ тебѣ докладывали.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ воевода.

— Дорофей Веселковъ, тюменскій казачій сынъ.

— Ты объявляешь слово и дѣло? спросилъ воевода.

— Объявляю,—прикажи отослать въ Москву.

— На кого же ты объявляешь? на себя только, или на другихъ на кого?

— Знаю, отвѣчалъ Дороей: знаю государево слово за крестьянникомъ Яковомъ Яковлевымъ вотчины Строгоновыхъ; и свидѣтель на него, гулящій человекъ Степанъ Ильинъ, живетъ у Якова.

— Какой вотчины Яковъ?

— Изъ Чусовскихъ Городковъ, верхняго городка, деревни Межевой Утки.

— Хорошо, ступай, пошлемъ за ними.

— Еще знаю государево слово на раскольниковъ.

— На какихъ раскольниковъ? спросилъ воевода,—дались они вамъ! рады что ихъ гонютъ и преслѣдуютъ. Чай опять какой-нибудь антихристъ, да бороды не брѣютъ.

— Въ Москвѣ скажу, отвѣчалъ Дороейко.

— Какіе раскольники, гдѣ живутъ? спросилъ воевода.

— Живутъ въ лѣсу, въ пустынь, межъ Строгоновыхъ вотчинъ и заводу Демидова. Старецъ Варсоломей, а съ нимъ живутъ старицы Ворсоноія, Досноя, Платонида.

— На нихъ на всѣхъ доносишь? спросилъ воевода.

— На всѣхъ. Прикажи въ Москву отправить, говорилъ Дороей.

— Всѣхъ вмѣстѣ отправимъ. Не торопись, посетишь, напрыгаешься.

— Власть Божія и царская! отвѣчалъ, уходя съ солдатами, колодникъ.

Воевода велѣлъ позвать солдата Петра Вгорова. Онъ явился.

— Снаряжайся въ дорогу сегодня же въ-ночь—въ Соликамской, по царственному дѣлу. Инструкцію получишь отъ Алексѣя Степановича. Ступай.

Въ одной изъ дальнихъ улицъ Тобольска жилъ посадскій человекъ Тимофей Трифоновичъ. Весь Тобольскъ зналъ его, какъ человека торгующаго и богатаго—притомъ Тимофей помогалъ и бѣднымъ. Многие въ Тобольскѣ знали, что Тимофей старовѣръ, потому-что лѣтъ 10-ть назадъ онъ былъ арестованъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ по какому-то розыску о раскольникахъ; но арестъ его продолжался недолго, а съ тѣхъ поръ Тимофей Трифоновичъ сталъ еще больше дѣлать добра и былъ болѣе уважаемъ жителями. Были слухи въ народѣ, что у Тимофея Трифоновича собираются иногда старовѣры къ молитвѣ, но онъ велъ себя такъ осторожно и ловко, что никто не доносилъ на него, а все правительственныя лица, высшія и низшія, уважали и любили Тимофея Трифоновича. Иногда Тимофей Трифоновичъ уѣзжалъ изъ города на два и на три мѣсяца, объявляя, что отправляется по торговымъ дѣламъ или въ Соликамскъ, или въ Верхотурье. Въ его отсутствіе все дѣла по дому и по торговлѣ не останавливались, а поручались его главному приказчику, старику же, Семену Андрееву, который пользовался полнымъ довѣріемъ Тимофея Трифоновича, и во время отсутствія послѣдняго, бѣдные не лишались пособій и помощи, какъ-бы самъ Тимофей былъ на лицѣ.

Въ тотъ день, какъ распранивали Дороея Веселкова въ надворномъ судѣ, Тимофей Трифоновичъ возвратился рано изъ лавки не въ-духъ.

— Что ты такой сердитый? спросилъ его Семень.

— Дураки разсердили меня; шолъ я мимо надворнаго суда, вели колодниковъ... народъ собрался... сталъ я въ толпѣ, а казакъ. Сухая-Рука, слышу, въ толпѣ говорить: «шолъ и Тимофей пришолъ, нѣтъ ли въ колодникахъ раскольниковъ; вишь у него борода какъ зашнидевля!» я илюнулъ, да и пошелъ прочь. А онъ мнѣ кричитъ: «Тимофей

Трифоновичъ, помни старца Сергія, а дураки-то и ухмыляются.. Вишь, борода моя зандевелла.. борода имъ недалась.. Господи, прости мое согрѣшеніе.. Мало страдальцовъ за древнее благочестіе. Правда, Семень, правда! пришло послѣднее время: христіане на поруганіи, надъ добромъ смѣются, кощунствовали о старцѣ Сергіѣ.. Упокой Господи его душу; въ пытки замучили.. за что? Училъ людей креститься православному крестосложенію, читалъ молитвы не совѣмъ по ихнему. Эхъ Семень.. трудновато жить.. прежде въ народѣ способѣе было.. а теперь и Сухая Рука клеветникъ и разбойникъ и тотъ кричать «чай помнишь старца Сергія!.. совѣсти нѣтъ, Семень! Сухая Рука за этотъ доносъ награднаыя деньги получилъ.. Не жгутъ они его, не мучать.. прямо въ лицо смотреть. Вотъ людъ какой!

— Полно, Тимофей Трифоновичъ; не осуждай, да не осужденъ будешь.. согрѣшилъ ты, покайся, помолись, прочти кафисмы двѣ, да перебери лѣстовку. Смягчитъ Богъ твое сердце.. есть и добрые люди.. помнютъ, берегутъ насъ...

— Да не по вѣрѣ, Семень.. не по вѣрѣ.. а изъ корысти и помощь то груства: все кланяйся, да плати, а все смотри въ лѣсъ; колѣ продаютъ своего царя да законъ, такъ и тебя продадутъ.

— Вѣстимо, что такъ. Да что же дѣлать? да будетъ воля Божія.

— И правосудіа—то въ свѣтѣ давно не стало.. Да что Сидорычъ долго неидетъ? обѣщаль принести вѣсточку, нѣтъ ли между колодниками нашей братіи..

— Вотъ ты клянешь, Тимофей Трифоновичъ, людей, а вотъ хорошій человекъ: кабы не онъ, и ты бы попалъ въ Преображенское.. Онъ опасъ тебя..

— А денегъ что стало.. и ему, и секретарю, и пошамъ, и Богъ знаетъ кому..

— Вот ты торговый человекъ, а разсуждаешь какъ-то не здраво. Безъ денегъ торговли нѣтъ: у тебя своя торговля, у нихъ своя. Ты торгуешь хлѣбомъ, они дѣлаютъ.. Эхъ, Тимофей Трифоновичъ, было такъ и будетъ такъ...

— Грѣшишь, Семень, не правду говоришь. Все такъ стало съ той поры, какъ антихристъ сталъ на землѣ... а была прежде и церковь, и правосудіе... а теперь ничего не стало... Дурно говоришь, Семень, что было такъ и будетъ такъ... Христосъ сказалъ: да не будетъ пророкъ въ отечествѣ своемъ. Дурно, братъ, согрѣшилъ.

— Согрѣшилъ, окаянный, знаю, Тимофей Трифоновичъ... помоги обо мнѣ.

Тимофей Трифоновичъ подошелъ къ налою, который стоялъ передъ образами, и развернулъ книгу, лежавшую на налоѣ, въ деревянномъ старинномъ переплетѣ...

Въ это время на дворѣ залаяла цѣпная собака и кто-то постучался у воротъ.

— Посмотри, кто тамъ, Семень.

Семень ввелъ подъячаго Сидорыча.

Сидорычъ вошелъ въ комнату весь синій отъ холоду. Морозъ на дворѣ былъ большой и съ вѣтромъ, а у Сидорыча вмѣсто шубы сермяжій кафтанъ. Онъ перепрыгивалъ съ ноги на ногу и потиралъ уши, носъ, щеки... Вина у Тимофея Трифоновича въ домѣ не было — Сидорычъ зналъ это... Онъ принялся бѣгать по комнатѣ, терся около стѣнъ, хлопалъ руками по лицу. Наконецъ отошелъ.

— Что, Сидорычъ, спросилъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ Тимофей: — что ты такъ запыхался?

— Вотъ сейчасъ самъ запыхаешься, Тимофей Трифоновичъ; дай согрѣться.

— Сидорычъ, да ты отъ ознобы съ-ума рахнулся. Отчего мнѣ запыхаться? постой, я тебѣ рукавомъ уши ототру, говорилъ изумленный Тимофей Трифоновичъ.

— Нѣтъ не ошепелъ съ-ума, Тимофей Трифоновичъ, а говорю подлинно.

— Да что же это такое, Господи! вскричалъ Тимофей Трифоновичъ:—въ умъ себѣ неприложу... что такое случилось?

— А вотъ что: сегодня привезли одного колодника по слову и дѣлу, Тимофей Трифоновичъ.

— А мнѣ то что, Сидорычъ? много ихъ, разбойниковъ, избѣгая законной казни, говорятъ слово и дѣло, а иные пожалуй...

— Этотъ разбойникъ, что теперь у насъ, съ ножомъ къ твоему горлу... такъ мнѣ сдается, Тимофей Трифоновичъ, вынимай, коли нужно, да обтирай кровь свою.

— Сидорычъ, да ты въ изступленіи ума, выпей водицы. Семень, дай тулупъ, одѣнь его; вишь онъ дрожить еще...

— Ты съ ума рѣхнулъ, вскричалъ Сидорычъ,—а не я, что не понимаешь меня... Какой тутъ тулупъ; а я тебѣ просто скажу... хочешь скажу... согрѣй алтынами... скажу, спасибо скажешь... Ты знаешь, Тимофей Трифоновичъ, я тебѣ вѣрный слуга, доказалъ на дѣлѣ. Помнишь розыскъ старца Сергія?

— Ладно, ладно, отвѣчалъ Тимофей, испуганный хладнокровнымъ и вкрадчивымъ убѣжденіемъ Сидорыча:—денегъ не пожалѣемъ, да за что, Сидорычъ? не выкупать же мнѣ на волю разбойника?

— А выкупилъ бы, кабы зналъ раньше, отвѣчалъ съ улыбкою Сидорычъ.

— Что раньше?

— А вотъ что: колодникъ Дорочейка сказалъ слово и дѣло на раскольщиковъ.

Тимофей Трифоновичъ задумался. Семень въ углу крестился и вздыхалъ. Сидорычъ смотрѣлъ пристально на Тимофея, какъ на свою жертву.

— Ну, Сидорычъ, отслужи службу, скажи, а куда посылка отъ воеводы, кого посылають? Меня ты знаешь: возблагодаримъ истинно по доволъству.

— Знаешь, Тимофей Трифоновичъ, отвѣчалъ Сидорычъ: — я человекъ бѣдный, а съ меня подать идетъ секретарю, да людямъ дворецкимъ — узнать надо, такъ и платить надо — ужъ чай ко мнѣ на дворъ не разъ приходили: что дескать пошелъ къ Тимофею Трифонову, не пригодится ли ему вѣсточка о Дорофѣйкѣ — а ужъ коли дома меня не найдутъ, почувютъ, что къ тебѣ пошелъ... ждать будутъ, анафемы! съ пустыми руками воротиться домой не придется, знаешь самъ дѣло, Тимофей Трифоновичъ, какъ оно дѣлается.

Тимофей Трифоновичъ пошелъ въ другую комнату и черезъ нѣсколько времени вынесъ и отдалъ Сидорычу мѣшокъ съ деньгами.

— Двадцать рублей, Сидорычъ. Довольно?

— Ну апосля, Тимофей Трифоновичъ, коли что до тебя касаться будетъ?

— Ты тоже знаешь меня, Сидорычъ; скажу тебѣ: а посла? а а посла, коли товаръ прибудетъ къ вамъ, такъ и деньги у насъ будутъ. Поторгуемся, не въ первый разъ. Дѣло торговое; а теперъ я дѣло свое исполнилъ, давай и ты товаръ.

— Дорофѣйко донесъ, отвѣчалъ Сидорычъ: — на живущаго въ Строгоновскихъ вотчинахъ старца Вареоломея и старицу Ворсонофью, Досифею и Платониду. Посылають въ Соликамскъ за ними солдата Петра Егорова. А что, знакомые? прибавилъ Сидорычъ съ любопытствомъ.

— Нѣтъ, эти намъ невѣдомы, отвѣчалъ Тимофѣй Трифоновичъ, и взглянулъ на своего Семена который сдѣлался блѣденъ какъ полотно; и не слыхали объ нихъ. Такъ уже Сидорычъ Богъ тебѣ двадцать рублей послалъ... кабы